

⁹ Ber Borocho. Unsere Plattform // Po'ale tsiyon shriften ershtes Bukh (Po'ale Tsiyon Schriften. Erster Band). New York, 1920. S. 111-320.

¹⁰ Jonathan Frankel. Prophecy and Politics... S. 345.

¹¹ Ebd., S. 346.

¹² Ebd., S. 200.

¹³ Jonathan Frankel. Prophecy and Politics... S. 349.

¹⁴ Diner D. Ebd. S. 39

¹⁵ Zit. nach Frankel ebd., S. 351 (aus einem im Wilnaer „Vorwärts“ vom 4. Mai 1907 erschienenen Artikel Borocho's).

¹⁶ Jonathan Frankel. Prophecy and Politics... S. 351.

¹⁷ Jonathan Frankel. Prophecy and Politics... S. 352.

¹⁸ Ber Borocho. Eretz Israel in unserem Programm und unserer Taktik, zit. nach Aaron L. Patkin. The Origins of the Russian-Jewish Labour Movement, a.a.O. S. 236.

¹⁹ Vergl.: Mario Kessler. Die Komintern und die Poale Zion 1919 bis 1922. Eine gescheiterte Synthese von Kommunismus und Zionismus // Arbeit Bewegung Geschichte. 2017. II. S. 15-30.

²⁰ Aaron L. Patkin. The Origins of the Russian-Jewish Labour Movement. Melbourne; London, 1947. S. 229-241; Shlomo Na'aman. Marxismus und Zionismus. Gerlingen, 1997. S. 151; Na'aman betont, daß nur eine solche dogmatische Reduktion nach Borocho's Meinung die Basis für eine erfolgreiche Parteiagitiation abgeben konnte. Patkin und Na'aman betrachten die Argumentation ab 1905 als parteistrategisch begründet, während Frankel von einer zweimaligen inhaltlichen Wandlung der Positionen Borocho's ausgeht.

²¹ Shlomo Na'aman. Marxismus und Zionismus. a.a.O. S. 151.

О.А. Милевский, С.А. Терехова

НА ПУТИ К МАРКСИЗМУ: «ЧИГИРИНСКОЕ ДЕЛО» В РЕВОЛЮЦИОННОЙ СУДЬБЕ Л.Г. ДЕЙЧА

Аннотация. В статье на основе архивных документов, хранящихся в фондах Москвы и Киева рассматривается малоизвестный эпизод из раннего периода революционной деятельности Л.Г. Дейча – «Чигиринского заговора» (1876–1877 гг.). Оценивается влияние этих событий на судьбу народнической организации «Земля и воля» и та роль, которую в ее распаде сыграли участники «Чигиринского дела», в том числе и Л.Г. Дейч.

Ключевые слова: Революционное народничество, «Чигиринский заговор», Дейч Л.Г., Стефанович Я.В., «Земля и воля», «Черный передел».

Революционная биография одного из первых российских марксистов Льва Григорьевича Дейча достаточно хорошо изучена историками. Однако в его длинном послужном революционном списке до сих пор есть страницы, на которые исследователи практически не обращали внимания, так как эти факты не слишком гармонировали с его дальнейшей марксистской биографией. Одним из таковых является его участие в «Чигиринском заговоре», хотя отметим, что сам Л. Дейч оставил об этом событии воспоминания¹.

Однако при обращении к ним следует помнить, что данные свидетельства написаны уже после 1917 г., и, как и любая мемуарная литература,

весьма субъективны. Поэтому представляется вполне оправданным попытаться оценить участие Л. Дейча в чигиринских событиях 1876–1877 гг. через призму сохранившихся архивных документов, не игнорируя при этом и свидетельства мемуаристов.

Л. Дейч родился 26 сентября (7 октября) 1855 г. в местечке Тульчин Каменец-Подольской губернии в зажиточной еврейской семье. Путь его в революционное движение был традиционным для того времени. Примером для него были старшие сестры, увлекавшиеся нигилистическими идеями 1860–х гг., а далее, как он писал в своей автобиографии, знакомство с «нашими классиками как художественной, так и критически-публицистической литературы еще на школьной скамье вызвало у меня сильное стремление к общественной деятельности»².

На выработку революционных взглядов Л. Дейча большое влияние оказало и знакомство с И.Ф. Фесенко – одним из первых пропагандистов марксизма в России. Л. Дейч вступил в его кружок в Киеве в 1874 г. В то время И. Фесенко крайне критично относился к идеям тогдашнего властителя дум «передовой молодежи» П.Л. Лаврова, да и вообще был «не особенно лестного мнения о народе, мотивируя это тем, что долгое господство крепостного права в России наложило на крестьян печать приниженности, забитости, рабства»³. Иное дело, по его мнению, представляли сектанты; «в них жив дух протеста, готовность к самопожертвованию, к борьбе и страданиям за идеи»⁴. Исходя из этого члены кружка, куда входило около 20 человек, пришли к выводу, что сектанты более склонны к протесту и более развиты, чем крестьяне, а так как их в России около 20 миллионов, то при умелой пропаганде среди них результат может быть очень успешным.

Под влияние подобных мыслей весной 1875 г. члены кружка пошли в народ, избрав объектом пропаганды именно сектантов. Л. Дейч вместе со своим приятелем И. Щепанским отправился к молоканам. Неудача пропагандисткой миссии среди молокан и в целом провал «хождения в народ» не оттолкнули Л. Дейча от революционных увлечений, но заставили задуматься об иных способах достижения поставленной цели.

Осознание неготовности крестьян к восприятию абстрактных социалистических идей в то время посетило многих народников. В «социалистических инстинктах» мужика разуверился и Л. Дейч: «Все мы горьким опытом убеждались в том, что пропаганда социализма крестьянам не имеет никакого среди них успеха и приводит нередко к самым печальным результатам, – к выдачам полиции молодых энтузиастов самими же пропагандируемыми»⁵. Поэтому попытаться использовать в качестве детонатора народного взрыва «монархическую мистификацию» в такой ситуации некоторым революционерам казалось вполне допустимым и еще не опробованным способом борьбы.

Тем более, что в общении с крестьянами наличие в их сознании элементов стихийного «народного монархизма» проглядывало весьма отчетливо. Можно вполне согласиться с мыслью Ю.А. Пелевина, что «у крестьян, особенно южнорусских, были распространены представления, что чиновничья администрация от министров до станового пристава противостоит верховной царской власти, которая может быть, и готова сделать благо для «черного люда», но посредники умышленно искажают все государевы распоряжения»⁶.

На рубеже 1874–1875 гг. в Малороссии сложился кружок «южных бунтарей». Среди его учредителей, кроме В.К. Дебагория-Мокриевича, были и Я.В. Стефанович с Л.Г. Дейчем. Основным тактическим принципом «южных бунтарей» становится «агитация делом» с целью осуществления насущных требований и стремлений народа⁷. А наиболее решительная и чуждая излишнего морализаторства часть «южных бунтарей» полагала, что для подъема крестьян на открытое выступление можно использовать их веру в «доброту царя». Надо только дождаться нужного случая или создать самим подходящую для этого ситуацию.

Первым такую идею высказал В. Дебагорий-Мокриевич⁸, но на практике наиболее активными ее проводниками стали Я. Стефанович и Л. Дейч. Описывая свое настроение в том момент, последний отмечал, что «действовать среди крестьян именем царя само собою напрашивалось. Все крупные народные движения в России совершались под знаменем «самозванцев»⁹. Так постепенно вызревает идея, давшая толчок организации «Чигиринского заговора».

«Южные бунтари» не зря присматривались именно к Чигиринскому уезду Киевской губернии. Тогда это было одно из самых беспокойных мест во всей Малороссии. Аграрные беспорядки вспыхнули здесь еще в самом начале 1870-х гг. в связи с проведением новых люстраций (переучета) земель бывших государственных крестьян. Таким способом царское правительство пыталось упорядочить выкупные платежи и налоги. Тогда и родилось основное требование крестьянской массы о переделе всей земли, исходя из размера в 5 десятин на душу.

Особой остроты крестьянские волнения достигли весной 1875 г., когда были получены утвержденные в высших инстанциях люстрационные акты с начисленными выкупными платежами. Таким образом, в Чигиринском уезде среди крестьян сформировались две противоборствующие силы. С одной стороны, беднота и некоторые середняки, настаивавшие на душевом переделе земель – «душевики». С другой – зажиточная часть крестьянства, или «актовики» (подписавшиеся под актами, закреплявшими за ними земельные участки). В результате для подавления аграрных беспорядков власти использовали армейские части¹⁰.

Выступления крестьян буквально подталкивали революционеров к решительным действиям. Инициативу в плане реализации идеи подъема крестьянского восстания посредством использования подложного царского манифеста взяли на себя Я. Стефанович, его лучший друг Л. Дейч, а также примкнувший к ним И.В. Бохановский. В результате зимой 1875 г. все трое перебрались в Киев, где поселились в доме Клименко на Ивановской улице¹¹. Здесь же была организована и тайная типография. Вскоре им удалось завязать контакты с содержащимися под арестом в городе крестьянами-чигиринцами. Всего в Киеве при полицейском управлении их числилось 11 человек¹². В силу тогдашних порядков в дневное время арестованным крестьянам разрешалось для собственного прокормления искать заработка в городе. И, зная об этом, Я. Стефановичу под видом крестьянина из Черкасского уезда Дмитрия Найды удалось познакомиться с одним из самых авторитетных чигиринцев – Лазарем Тенеником¹³.

Так был сделан первый ход в многоходовой комбинации по организации «Чигиринского заговора». Из бесед с крестьянами Я. Стефановичу удалось узнать об их планах отправить ходяков к царю. Этим намерением и решили в своих интересах воспользоваться революционеры. Я. Стефанович (он же Д. Найда) сообщил крестьянам о том, что сам намеревается идти с прошением к государю по своему делу и предложил заодно похлопотать и за них¹⁴. Чигиринцы приняли его предложение, и дело начало приобретать реальные очертания. При этом Я. Стефанович старался действовать максимально осторожно, опираясь только на Л. Дейча¹⁵. В дальнейших контактах с крестьянами Л. Дейч, как и Я. Стефанович будет выступать в роли «царского комиссара» под именем Борис¹⁶.

Через несколько недель на свет появилась «Высочайшая Тайная грамота», к которой прилагались документы, якобы утвержденные императором, – «Устав крестьянского общества Тайная дружина» (В подлиннике нет слова «устав», а содержится название «Назначение общества Тайная дружина» – О.М.) и «Обряд святой присяги». По свидетельству Л. Дейча все документы были отпечатаны в Киеве¹⁷. После появления подложных документов наступил черед активных действий.

Из показаний Л.А. Тененика следует, что в очередной раз он увидел Д. Найду на Филиппов пост (ноябрь 1876 г.) и тот поведал, что «был у Государя и передал ему прошение, и что Император сказал будто бы ему, что он готов наделить нас землей, но что для этого нужно принять присягу и поступить в число дружинников, чтобы затем восстать против чиновников и дворян»¹⁸. Далее Д. Найда прочел крестьянам устав. Такой поворот дела озадачил крестьян, но они все же согласились присягнуть, перед тем потребовав того же от самого от Д. Найды, что он и сделал. А затем уже они «приняли присягу, стоя на коленях перед иконой Спасителя, крестом

и евангелием, а присягу читал сам Найда»¹⁹. И только после принятия присяги Д. Найда прочел крестьянам «Тайную грамоту» и устав.

После этого народники, выступавшие под личиной «царских комиссаров», рассчитывали наладить связь между крестьянами, находящимися под полицейским надзором в Киеве, и их сторонниками, оставшимися на свободе. Для этого было решено одному из них согласиться на подпись под люстрационным актом с тем, чтобы отправиться домой и «посвятить там в дело одного из пользующихся доверием грамотных крестьян»²⁰. Выбор пал на Л. Тененика, и выполнив все необходимые формальности, он направился в село Шабельники, где и встретился с отставным унтер-офицером Е.А. Олейником, который, получив всю информацию, заявил, «что это дело хорошее и что поэтому нужно набирать дружину»²¹.

В бурлящем уезде процесс формирования «Тайной дружины» пошел быстро. Уже 1 марта 1877 г. состоялась первая большая сходка крестьян, на которой присутствовало около 250 человек²². Это собрание по количеству участников и принятым решениям можно считать своего рода учредительным съездом «Тайной дружины». И после этого Я. Стефанович и Л. Дейч не раз тайно навещали в села чигиринщины, где вели переговоры, принимали присягу, выдавали нуждающимся крестьянским семьям из числа присягнувших небольшие денежные ссуды.

К маю дело организации заговора изрядно продвинулось. Крестьяне, связанные присягой, объединенные в староства и лично видевшие «царскую бумагу» и «царских комиссаров», успокоились и со всей крестьянской основательностью взялись за дело. В результате к лету 1877 г. в сети революционного заговора попало около 1150 крестьян²³.

Совершенно естественно, что слух о происходящих событиях постепенно расходился по округе, и удерживать дело в тайне становилось все труднее. Началом краха планов будущего выступления послужили аресты 6 июня 1877 г. в г. Новогеоргиевске, где было задержано несколько активистов «Тайной дружины», и при обыске у них найдены списки крестьяндружинников по их селам и другие документы²⁴.

Власти открыли дознание, но как гласят документы, «обыски, произведенные в 36 домах у старост села Адамовка и у других заподозренных в деятельном участии в составлении тайного сообщества лиц, ничего не обнаружили»²⁵. В сложившейся ситуации революционеры продолжали действовать и по-прежнему рассчитывали на успех дела. Восстание было назначено сразу после праздника Покрова (1 октября). Но к середине августа все планы провалились.

Причиной тому послужили следующие события. 15 августа в Киеве состоялась встреча атамана Дружины Е. Олейника и дружинника А.В. Приходько с «царскими комиссарами», из которых, как потом показали кре-

стьяне, «один был «чернявый» (Я. Стефанович. – О.М.), а другой «рыжий» (Л. Дейч. – О.М.)»²⁶. Местом встречи революционерами была выбран дом на Жилианской улице. На обратном пути А. Приходько в корчме проболтался о «Тайной дружине» крестьянину З. Конограю, который 21 августа явился к Чигиринскому уездному исправнику и представил списанную им копию «Устава» с приложением «Обряда святой присяги». К тому же он дал подробные показания, указав имена всех коноводов движения²⁷.

Начались аресты. В ночь на 29 августа был арестован Е. Олейник. На первых допросах он ни в чем не признавался, но в дальнейшем, в том числе и под впечатлением той мистификации, которую использовали революционеры, дал подробные показания. В результате к удивлению следователей выяснилось, что у них под носом существует обширное тайное крестьянское общество. От А. Приходько удалось выяснить адрес квартиры на Жилианской улице²⁸. Жандармы незамедлительно явились туда с обыском и оставили там засаду, в которую спустя два дня попался И. Бохановский²⁹. Произошло это событие 31 августа 1877 г. Будучи арестованным, И. Бохановский допустил и фатальный просчет, попытавшись передать на волю записку и ключ от квартиры на Ивановской улице – все это сразу же оказалось в руках полиции³⁰.

В результате перехваченная записка дала возможность полиции выйти на след Д. Лашкевича (Я. Стефановича) и Евгения Санина (Л. Дейча). Они были арестованы 3 сентября в местечке Талалаевка, Полтавской губернии, в доме у Н.А. Полетики³¹. Найденный же у И. Бохановского ключ позволил 14 сентября вскрыть квартиру на Ивановской улице, где были обнаружены следы типографии³².

В дальнейшем в ходе допроса Л. Дейч заявил только, что это он нанял квартиру в доме Клименки по Ивановской улице, откуда они 27 августа вместе с Я. Стефановичем выехали в деревню к Н. Полетике. В отношении остальных обстоятельств дела в протоколе допроса записано следующее: «Далее, как по этим обстоятельствам, так и по обвинению меня в организации тайного общества между чигиринскими крестьянами никаких объяснений ни в настоящее время, ни в впредь давать не желаю»³³.

Так фактически завершилась эта грандиозная мистификация. Можно себе представить, каким шоком для крестьян-дружинников было узнать о подложности всего происходящего вокруг царского имени. Поэтому они практически ничего не скрывали от следствия, что обеспечило довольно быстрое раскрытие всех подробностей дела. Всего по делу проходило 829 крестьян, из них 57 были привлечены к следствию в качестве обвиняемых.

Оценка этой «монархической мистификации» вызвала оживленное обсуждение в народническом лагере. Серьезные дискуссии велись и в не-

драх самой авторитетной тогда революционной организации – «Земле и воле»³⁴, причем мнения разделились. Об этом, например, свидетельствовал Г.В. Плеханов³⁵.

Тогда же было принято решение устроить побег из Киевского тюремного замка содержащимся там устроителям «Чигиринского заговора». Дело по организации побега взял на себя В.А. Осинский, а реализовал весь план М.Ф. Фроленко. В результате в ночь на 27 мая 1878 г. успешный побег состоялся, и вскоре беглецы были за границей.

Весь дальнейший ход событий, связанных с обострением кризиса внутри «Земли и воли», также невозможно понять без учета фактора «Чигиринского дела». Дело в том, что авторитет его организаторов серьезно влиял на расклад сил в «Земле и воле», укрепляя в ней позиции «деревенщиков». В обстановке ожесточенных споров между «деревенщиками» и «политиками» решено было созвать общий съезд организации. Он состоялся в Воронеже с 18 по 21 июня 1879 г. и закончился хрупким компромиссом.

Однако в июле, когда из-за границы прибыло несколько революционеров, в том числе Л. Дейч и Я. Стефанович, ситуация внутри «Земли и воли» резко обострилась. Как отмечал О.В. Аптекман: «Заграничные товарищи, на которых «деревенщина» возлагала свои надежды – люди с революционным прошлым и опытом, – Яков Стефанович, Дейч, Аксельрод и В. Засулич, – тоже встали в оппозицию к террористической деятельности. Разрыв был неизбежен»³⁶. В такой ситуации 15 августа 1879 г. «Земля и воля» прекратила свое существование.

На ее обломках возникли две организации. «Политики» стали называться «Народной волей», а сторонники деятельности в деревне – «Черным переделом». Так, фактически «Чигиринский заговор» и основанные на нем завышенные представления о революционном потенциале чигиринских крестьян сыграли важную роль в распаде «Земли и воли».

Первоначально сторонники «Черного передела» чувствовали себя вполне уверенно. Казалось, что они имеют и хороший задел по работе в деревне, в частности, в той же Киевской губернии. О. Аптекман писал: «На первых порах надежда улыбалась нам: в наших рядах уже находились с самого основания “Черного передела” Стефанович и Дейч... Они действительно задумали среди чигиринцев новое дело, на иных основах, чем старое. Мы все ожили. Раз, – думали мы, – за это дело возьмутся такие люди, как Стефанович и Дейч, успех обеспечен: мы оснуемся в деревне, заложим фундамент, а молодежь и другие живые силы, глядя на нас, пойдут за нами»³⁷.

Отражение такого подхода можно найти в периодике «Черного передела». Так, в № 1 этого издания от 8 декабря 1879 г. в передовице «От редакции» декларировалось следующее: «Ближайшею задачей нашею... должна быть организация... той народно-боевой партии, о значении которой мы

уже говорили»³⁸. В развитие этой мысли наибольший объем первого номера занимал очерк Я. Стефановича о «Чигиринском деле». Второй номер (сентябрь 1880 г.) также включал в себя продолжение этого очерка³⁹.

Однако на практике войти «в одну реку дважды» не удалось. Выезжавшие в Чигиринский уезд революционеры вернулись с плохими вестями. Введенное в этих местах военное положение не давало даже малейшей возможности на повторение попытки⁴⁰. Да и политическая ситуация в стране мало способствовала работе в народе. Ожесточенная схватка «Народной воли» с царизмом способствовала тому, что маховик красного и белого террора постоянно раскручивался, а аресты шли лавинообразно. Настроение в среде революционной молодежи изменилось в пользу прямой борьбы с правительством. Все это в свою очередь негативно влияло на деятельность «Черного передела». Так, Л. Дейч, находившийся тогда в Одессе, жаловался, что «в Одессе с молодежью «тихо», что там ощущается крайний недостаток в работниках»⁴¹.

В такой ситуации, особенно после 19 ноября 1879 г., когда народовольцы взорвали царский поезд, оставаться в России без реальных перспектив на работу в деревне наиболее скомпрометированным перед властью членам «Черного передела» не имело смысла, а для Я. Стефановича и особенно Л. Дейча, разыскиваемого еще и за участие в попытке убийства Н.Е. Горинича (1876 г.) было смертельно опасно.

Вот, как описывал тогдашнюю ситуацию сам Л. Дейч: «...суд над обвиняемыми по делу о покушении на жизнь Горинича состоялся лишь в конце ноября 1879 г. ... За несколько дней до начала суда ... когда им уже был выдан обвинительный акт, подводящий их под сравнительно незначительные наказания, террористами произведен был 19-го ноября под Москвой взрыв поезда, в котором, как предполагалось, должен был ехать царь. Свою злость за это факт правительство выместило на пяти обвиняемых по делу о покушении на Горинича Дробязгин, Малинка и Майданский были повешены в Одессе 3 декабря, Костюрин и Яновский были приговорены к каторжным работам... В случае ареста меня ждала тяжелая участь»⁴².

В таких условиях в январе 1880 г. начался выезд за границу главных деятелей «Черного передела». Почти одновременно разными путями из России выехали Л. Дейч, Г. Плеханов, В. Засулич и Я. Стефанович. Эмиграция наиболее активных членов «Черного передела» и последовавший 28 января 1880 г. разгром его типографии привели фактически к агонии организации.

После ликвидации «Черного передела» пути Я. Стефановича и его друга и соучастника по «Чигиринскому заговору» Л. Дейча разошлись. Я. Стефанович примкнул к «Народной воле». Л. Дейч же вместе с бывшими соратниками по «Черному переделу» П.Б. Аксельродом и В.И. Засулич, разочаровавшись в народнической доктрине, достаточно быстро, в первую

очередь под воздействием Г.В. Плеханова, эволюционировали к марксизму. В результате Л. Дейч вместе с ними стоял у истоков создания в сентябре 1883 г. первой российской марксистской организации – группы «Освобождение труда».

¹ Дейч Л.Г. Чигиринска справа. Харків, 1929. 39 с.

² Дейч Л.Г. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России. М., 1990. С. 67.

³ Дейч Л.Г. Хождение в народ: Из воспоминаний. Пг., 1919. С. 5-6.

⁴ Там же. С. 6.

⁵ Дейч Л.Г. За полвека. Т.1. Ч. 2. М., 1923. С. 22.

⁶ Пелевин Ю.А. «Хождение в народ» 1874–1875 гг. // Вопросы истории. 2013. № 5. С. 85.

⁷ Аптекман О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг.: По личным воспоминаниям. Пг., 1924. С. 139.

⁸ Бух Н.К. Воспоминания. М., 1928. С. 111.

⁹ Дейч Л.Г. За полвека. Т.1. Ч. 2. С. 11.

¹⁰ Центральный державний історичний архів України у м. Києві (ЦДАК України). Ф. 274. Оп. 1. Д. 157. Л. 22об.

¹¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 112. Оп. 1. Д. 476. Л. 485 об.

¹² «Черный передел»: Орган социалистов-федералистов 1880–1881 гг. // Памятники агитационной литературы. Т. 1. М., Пг., 1923. С. 147.

¹³ Матеріали до історії селянських революційних рухів на чигиринщині (1875–1879 рр.). Харків, 1934. С. 256.

¹⁴ Там же. С. 257-258.

¹⁵ Там же. С. 258.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 476. Л. 574 об.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1287. Л. 139.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 476. Л. 580 об. – 581.

¹⁹ Там же. Л. 581.

²⁰ Там же. Л. 580 об. – 581.

²¹ Там же. Л. 581.

²² Там же. Л. 573 об.

²³ Дейч Л.Г. Заговор среди крестьян Чигиринского уезда // Сборник материалов и статей: Редакция журнала «Исторический архив». Вып.1. / Глав. упр. архив. делом. М., 1921. С. 77.

²⁴ ЦДАК України. Ф. 274. Оп. 1. Д. 157. Л. 23об.

²⁵ Там же.

²⁶ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 476. Л. 584об. - 585.

²⁷ ЦДАК України. Ф. 274. Оп. 1. Д. 157. Л. 24.

²⁸ Дейч Л.Г. Заговор среди крестьян Чигиринского уезда ...С. 78.

²⁹ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 476. Л. 50.

³⁰ Там же. Л. 50 об.

³¹ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 473. Л. 117.

³² То же. Л. 156.

³³ ГАРФ. Ф. 112. Оп.1. Д. 474. Л. 157 об.

³⁴ Терехова С.А. «Чигиринский заговор» в оценках революционной печати 1878–1880-х гг. // Новое слово в науке: перспективы развития. Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции. Чебоксары, 2015. № 4 (6). С. 36.

³⁵ Плеханов Г.В. Предисловие к русскому изданию А. Туна «История революционного движения в России» // Плеханов Г.В. Соч. Т. 24. М.; Л., 1927. С. 123–124.

³⁶ Аптекман О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. ...С. 374.

³⁷ Там же. С. 385.

³⁸ «Черный передел»: Орган социалистов-федералистов 1880–1881 гг. // Памятники агитационной литературы. ... С. 139.

³⁹ Там же. С. 214.

⁴⁰ Аптекман О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. ...С. 386.

⁴¹ Там же. С. 388.

⁴² Дейч Л.Г. 16 лет в Сибири. Женева, 1905. С. 7-8.

А.А. Чернобаев

НА ПУТИ К МАРКСИЗМУ: М.Н. ПОКРОВСКИЙ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация. В статье на основе широкого круга архивных источников, в том числе впервые вводимых в научный оборот, анализируется путь к марксизму, пройденный выдающимся русским историком и политическим деятелем М.Н. Покровским с середины 1890-х гг. по 1907 г.

Ключевые слова: История марксизма в России, Первой русской революции 1905–1907 гг. Биография М.Н. Покровского.

По приглашению Дома Плеханова Российской национальной библиотеки я принимал участие в 8-ми из 12-ти международных научных конференций. На 5-ти из них мои доклады были посвящены анализу различных аспектов жизни и творчества выдающегося русского историка-марксиста и политического деятеля Михаила Николаевича Покровского (1868–1932).

Готовясь к настоящему выступлению, я прочитал тезисы (материалы) всех своих докладов о Покровском на Плехановских чтениях¹. В каждом из них подчеркивается, что биография и творческое наследие одного из крупнейших отечественных историков XX столетия нуждаются сегодня в новом прочтении с учетом иных, чем ранее, методологических подходов². Это касается всех периодов его жизни и творчества.

Одной из тем, вынесенных на наше обсуждение на конференции, является проблема «Маркс и марксисты: эволюция мыслителей и политиков». Учитывая это, кратко проанализирую, как из «робкого магистранта», каким Покровский был в первой половине 1890-х гг., сформировался видный историк-марксист и активный участник российского революционного движения, социал-демократ – большевик.

Актуальность данной проблемы определяется, на мой взгляд, также тем, что к юбилейным датам 2018 г., в соответствии с которыми проводятся XIII Плехановские чтения, с полным основанием можно отнести еще одну – исполняющееся 29 августа 150-летие со дня рождения М.Н. Покровского. Хочу обратить внимание участников конференции, что в преддверии этого юбилея редколлегия «Исторического архива» с № 1 журнала за этот год